

Оригинальная статья

УДК 81'27:13

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-204-219>

Языковая ситуация и культурная идентичность Русского Севера: перспективы междисциплинарного исследования

Любовь Александровна Ульяницкая¹✉, Любовь Сергеевна Московчук²,
Олег Николаевич Гусев³, Андрей Арнольдович Шумков⁴

^{1, 2, 3, 4}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>

²ismoskovchuk@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4189>

³spokapitel@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8960-4218>

⁴noizen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7326-4371>

Введение. Понятие «Русский Север» описывает историко-культурный регион с дискуссионными границами, нередко соотносимый с термином «Европейский Север». Регион характеризуется полиэтничностью и контактным взаимодействием русского и финно-угорских народов, что обусловило формирование сложной, многослойной культурной идентичности, в которой сочетаются общерусские и локально-этнические элементы, проявляющиеся в специфике историко-культурного развития и языковых практик населения.

Методология и источники. Методологическую основу исследования составляют нарративный и диалогический подходы, систематический анализ научных текстов, сравнительно-сопоставительный метод, логико-методологическая реконструкция, методы лингвогеографии, социолингвистики и диалектологии. Эмпирическую базу образуют публикации по проблемам культурной идентичности в исследованиях Русского Севера и языковой ситуации в полиэтничных регионах.

Результаты и обсуждение. Русский Север в социолингвистическом и культурно-философском аспектах представляет собой зону длительного межэтнического и межъязыкового контакта, где взаимодействие русского и финно-угорских языков привело к формированию билингвизма, спровоцировало языковой сдвиг и послужило основой для становления гибридной идентичности населения; лингвистические исследования (включая изучение субстратной лексики, топонимии и диалектов) подтверждают глубокое влияние финно-угорского наследия на русские говоры региона, при этом современная языковая ситуация характеризуется сосуществованием доминирующего русского языка с уязвимыми и исчезающими языками коренных народов (вепским, ижорским, водским, карельским и др.), функционирующими в условиях ограниченного использования.

Заключение. Перспективы исследования языковой ситуации и культурной идентичности Русского Севера связаны с расширением эмпирической базы за счет новых источников, включая цифровые языковые корпуса, я-документы (дневники, автобиографии, личные письма), учебную литературу для билингвальных регионов и материалы повседневной коммуникации. Эти данные позволят более точно отслеживать динамику идентичности в реальных социальных и институциональных практиках.

© Ульяницкая Л. А., Московчук Л. С., Гусев О. Н., Шумков А. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Русский Север, культурная идентичность, гибридная идентичность, третье пространство культуры, коренные народы, финно-угорская группа языков, билингвизм, диалектология, социолингвистика

Для цитирования: Языковая ситуация и культурная идентичность Русского Севера: перспективы междисциплинарного исследования / Л. А. Ульяницкая, Л. С. Московчук, О. Н. Гусев, А. А. Шумков // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 204–219. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-204-219

Original paper

The Linguistic Situation and Cultural Identity of the Russian North: Prospects for Interdisciplinary Research

*Liubov A. Ulianitckaia*¹✉, *Lyubov S. Moskovchuk*², *Oleg N. Gusev*³,
*Andrey A. Shumkov*⁴

^{1, 2, 3, 4}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉*ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>*

²*ismoskovchuk@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4189>*

³*spokapitel@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8960-4218>*

⁴*noizen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7326-4371>*

Introduction. The concept of the “Russian North” represents a historical and cultural region with debatable boundaries, often associated with the term “European North. The region is characterized by multi-ethnicity and close contact between Russians and Finno-Ugric peoples, which has led to the development of a complex, multilayered cultural identity that combines pan-Russian, local, and ethnic elements, manifested in the specific historical and cultural development and linguistic practices of the population.

Methodology and sources. The methodological basis of the study consists of narrative and dialogic approaches, systematic analysis of scientific texts, comparative and contrastive methods, logical and methodological reconstruction, and methods of lingual geography, sociolinguistics, and dialectology. The empirical base consists of publications on issues of cultural identity in studies of the Russian North and the linguistic situation in multiethnic regions.

Results and discussion. The Russian North, in sociolinguistic and cultural-philosophical aspects, represents a zone of long-term interethnic and interlingual contact, where the interaction of Russian and Finno-Ugric languages led to the formation of bilingualism, provoked language shift, and served as the basis for the development of a hybrid identity among the population. Linguistic research (including studies of substrate vocabulary, toponymy, and dialects) confirms the profound influence of the Finno-Ugric heritage on the region's Russian dialects. The current linguistic situation is characterized by the coexistence of the dominant Russian language with vulnerable and endangered indigenous languages (Veps, Izhorian, Votic, Karelian, and others), functioning under conditions of limited use and partial preservation.

Conclusion. Future research into the linguistic situation and cultural identity of the Russian North relies on expanding the empirical base with new sources, including digital language corpora, self-documents (diaries, autobiographies, personal letters), educational literature for bilingual regions, and everyday communication materials. These data will allow for more accurate tracking of identity dynamics in real social and institutional practices.

Keywords: Russian North, cultural identity, hybrid identity, third cultural space, indigenous peoples, Finno-Ugric language group, bilingualism, dialectology, sociolinguistics

For citation: Ulianitckaia, L.A., Moskovchuk, L.S., Gusev, O.N. and Shumkov, A.A. (2026), “The Linguistic Situation and Cultural Identity of the Russian North: Prospects for Interdisciplinary Research”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 204–219. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-204-219

Введение. Понятие «Русский Север» не имеет универсального, законодательно закрепленного определения, так как это не столько административная единица, сколько историко-культурный феномен. В силу того, что формирование этого края происходило в тесном взаимодействии с остальной европейской частью страны, понятие «Европейский Север» точнее передает его сущность и значение, хотя на практике оба термина нередко выступают как взаимозаменяемые [1]. Вопрос о границах этого региона является открытым, не имеет единого гласного решения и трактуется как в узких строгих рамках, так и в более «расплывчатых» и широких. Ряд исследователей считает, что не следует ограничивать понятие «Русский Север» пределами бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, а распространить его значительно шире и включить в границы территории северо-восток бывшей Санкт-Петербургской губернии, а также бывшей Новгородской и Тверской, и северной части Костромской губернии [2, с. 4]. В настоящее время, как правило, под Русским Севером подразумевают территорию от междуречья Волги и Сухоны до Белого и Баренцева морей, включающую современные Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, север Ленинградской области, а также Республику Карелия и Республику Коми. Западную и восточную границы составляют контактные зоны русских с карелами и коми народами. Культура этих этносов, развивавшаяся под сильным севернорусским влиянием, сохранила национальную специфику, как отчасти сохранили ее и расселенные среди русских небольшие группы вепсов, ижоры, води и ингерманландских финнов. Ярко выраженную этническую специфику имеют на востоке Русского Севера пермские народы: коми-зыряне, пермяки и удмурты [1]. Это объясняется как более поздним вступлением в контакты с севернорусским населением, так и особенностями социально-экономического развития. На юге граница довольно размыта и представляет собой «транзитный» ареал между севернорусской и среднерусской зонами.

Такая полиэтничная и подвижная в своих границах среда закономерно порождает сложную, многослойную структуру культурной идентичности, где общерусские, локальные и финно-угорские элементы формируют уникальные механизмы самовосприятия. Осмысление этого феномена требует обращения как к историко-культурным основам региона, так и к языковым практикам его жителей.

Методология и источники. Исследования культурной идентичности сталкиваются с фундаментальной трудностью ее строгого определения. Как отмечает В. С. Малахов, вокруг термина «идентичность» сложилась парадоксальная ситуация «слепой веры» в его ясность, тогда как на деле понятия «культурная», «этническая» и «национальная» идентичность используются как взаимозаменяемые, хотя за каждым стоит разная теоретическая традиция [3].

В рамках социогуманитарного знания онтологический вопрос об идентичности как социальной категории рассматривается с трех основных методологических позиций. С точки зрения примордиализма, идентичность обладает объективной природой, и постулируется К. Гирцем через культурно-психологическую данность происхождения, языка, обычаев [4]. В рамках инструментализма П. Брасса, идентичность создается и используется лидерами групп для конкуренции за власть и ресурсы [5]. Конструктивистский подход Б. Андерсона предполагает определение идентичности через «воображаемые сообщества» [6]. Однако каждый из этих ставших уже классическими подходов в отдельности не позволяет описать сложную многомерную структуру культурной идентичности, включающую различные,

подчас гетерогенные формы коллективного самоопределения, а также динамику идентичности людей, существующих в условиях культурного пограничья и гибридных пространств, что требует выхода за рамки монодисциплинарных моделей.

Методологическую основу исследования составляют нарративный и диалогический подходы, позволяющие рассматривать культурную идентичность как динамический процесс, разворачивающийся в условиях «текучей современности» (З. Бауман). Сложность и многомерность исследуемого явления обуславливают необходимость комплексной междисциплинарной методологии, интегрирующей философский, культурологический, лингвистический и социоантропологический инструментарий.

Для полноценного анализа языковой ситуации и культурной идентичности на Русском Севере необходимо обратиться к методологии социолингвистики, диалектологии и лингвогеографии. Мы предлагаем рассматривать регион как пространство активных контактов между литературным русским языком, говорами русского языка и финно-угорскими языками, анализируя степень витальности языков коренных народов и такие явления, как переклечение и смешение кодов, языковой сдвиг и формирование гибридных идиомов. В свою очередь диалектологический подход через изучение речевых практик в конкретных локальных сообществах позволяет зафиксировать особые черты используемых информантами языков и диалектов, а лингвогеографические методы позволяют построить изоглоссы распространения изучаемых идиомов.

В работе применяются следующие методы, основанные на принципах междисциплинарности и системного анализа: систематический анализ научных текстов, позволяющий выявить ключевые концептуальные подходы к изучению культурной идентичности и языковой ситуации Русского Севера; сравнительно-сопоставительный метод, используемый для систематизации различных исследовательских позиций; логико-методологическая реконструкция, направленная на построение иерархической модели идентичности; а также методы лингвогеографии, социолингвистики и диалектологии. Эмпирическую базу составляют публикации по проблемам культурной идентичности в исследованиях Русского Севера и языковой ситуации в полиэтнических регионах.

Результаты и обсуждение. С точки зрения социолингвистики и философии культуры Русский Север – это в первую очередь уникальная зона длительного и интенсивного межэтнического, межъязыкового и межкультурного контакта, территория – «плавильный котёл», где на протяжении почти двух тысячелетий взаимодействовали носители языков индоевропейской и уральской семей. Эти контакты носили не эпизодический характер, а представляли собой глубинную интеграцию, затронувшую все уровни культуры, языковой системы и коммуникативного поведения. В этом регионе отчетливо наблюдается процесс языковой и культурной ассимиляции, распространения билингвизма, постепенного языкового сдвига, где местный субстрат сыграл ключевую формообразующую роль в создании гибридной идентичности жителей Русского Севера.

Лингвистические исследования Русского Севера. Лингвистически значимо, что славянское заселение южной части Фенноскандии, исследуемого нами региона, происходило не на «пустом месте», а на территории с уже сложившейся богатой языковой традицией, созданной носителями финно-угорских языков. Исследованию финно-угорского субстрата

на территории Русского Севера посвящено значительное количество трудов, в которых описываются топонимические и диалектные особенности, проявляющиеся в русских народных говорах. основополагающий вклад в изучение этого вопроса внес выдающийся российский лингвист, член-корреспондент РАН А. К. Матвеев. Опираясь на полевые материалы созданной им в 1961 г. топонимической экспедиции Уральского университета, ученый разработал новые методы сбора и интерпретации топонимии. Итогом его многолетней работы стала фундаментальная четырехтомная монография «Субстратная топонимия Русского Севера» [7], в которой автор не только систематизировал серьезный пласт финно-угорских названий (рек, озер, урочищ), но и реконструировал на их основе древнейшие этнокультурные процессы, включая выделение особого «мерянского типа» топонимии, связывающего Север с центральными областями России.

Продолжателями этой традиции выступили его ученики и коллеги. С. А. Мызников в докторской диссертации и последующих работах провел фундаментальный этимологический и лингвогеографический анализ лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. О. В. Востриков посвятил отдельное учебное пособие систематизации финно-угорского субстрата в русском языке. Исследования О. А. Теуш [8] посвящены выявлению и анализу новых пластов коми заимствований в севернорусских говорах, в том числе в географической терминологии. Важный вклад в изучение прибалтийско-финского влияния внесли И. А. Кюршунова (анализ номинаций говорения в русских говорах Карелии) и Л. А. Феоктистова (этимология отдельных лексем). Н. В. Кабинина занимается вопросами финно-угорского субстрата в топонимике Русского Севера [9]. Т. И. Киришева защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук в 2006 г. по теме «Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова» [10].

Всё это наглядно доказывает существующий и развивающийся научный интерес к языковой ситуации Русского Севера, а сложившиеся научные школы, занимающиеся разработкой этих вопросов, указывают на глубокую социолингвистическую и диалектальную традиции. Кроме Уральской ономастической школы (Екатеринбург), которую основал А. К. Матвеев, а сегодня возглавляют Е. Л. Березович и М. Э. Рут, Русским Севером также занимается ряд других российских школ. Например, Санкт-Петербургская (Ленинградская) школа этнолингвистики, в рамках деятельности которой с 1984 г. организуются систематические экспедиции по сбору памятников духовной культуры, включая заговоры и причитания в точной фонетической транскрипции, фиксируются также мифы, легенды, записывается бытовая народная речь. К 2023 г. состоялось уже 34 экспедиции в различные районы Русского Севера [11]. Разработчик программы экспедиции и основатель собрания-архива – профессор СПбГУ О. А. Черепанова (1936–2022). Другая школа сформировалась вокруг доктора филологических наук, заведующего отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН С. А. Мызникова. Исследования С. А. Мызникова, посвященные лексике финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада, позволяют не только установить этимологию, но и проследить ареалы распространения субстратной лексики. Ключевые труды основателя школы – монография «Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада», выявляющая типы финно-угорского субстрата (общеприбалтийско-финский, вепский, карель-

ский, водско-эстонский, саамский, коми) методом лингвогеографического анализа, а также «Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада», содержащий 66 карт по тематическим разделам (растительный и животный мир, демонология, рыболовство и др.) [12]. В традициях диалектологии ведет свою деятельность Петрозаводская школа, сформировавшаяся под руководством доктора филологических наук Н. В. Марковой (кафедра русского языка ПетрГУ). Ключевое внимание в работах школы уделяется анализу живых говоров и использованию материалов диалектологических экспедиций для создания научной базы. Главный объект их внимания – поморские говоры Карелии и побережья Белого моря, исследование которых показывает общность основных структурных черт поморских говоров на широкой территории и фиксирует уникальные лексемы, отсутствующие в академических словарях. Здесь зафиксировано фонетическое явление – полное оканье, а также яркие архаичные черты в лексике, связанные с морским промыслом, рыболовством и бытом.

Таким образом, все эти научные школы, несмотря на разницу в методах и акцентах, сходятся в осознании исключительной ценности живой народной речи. Комплексный анализ субстратной лексики, диалектной фонетики, топонимии и духовной культуры, проводимый в рамках этих школ, позволяет не только реконструировать древние этноязыковые контакты, но и сохранить для науки уникальное лингвистическое наследие Русского Севера.

Языковая ситуация Русского Севера. Русский Север представляет собой уникальную в лингвистическом отношении территорию: с одной стороны, здесь распространены русские говоры, восходящие к славянской ветви индоевропейской семьи, с другой – языки финно-угорской группы уральской семьи. Эпоха активной и длительной русификации привела к значительному сокращению ареалов исторически распространенных на данной территории финно-угорских языков и к формированию сложной языковой картины региона. Сегодня следы финно-угорских языков в первую очередь обнаруживаются в русских говорах – в виде субстратной лексики и топонимии. Тем не менее на периферии Русского Севера, до сих пор бытует несколько региональных языков коренных народов.

Славянская группа представлена прежде всего русским языком в его севернорусском наречии. Важно подчеркнуть, что это наречие не является монолитным: оно распадается на несколько крупных диалектных массивов, среди которых традиционно выделяют ладогитихвинские, вологодские, онежские, белозерские и поморские (архангельские) говоры [13]. Именно эти говоры составляют материальную основу так называемой «духовной культуры Русского Севера», поскольку особенности произношения, грамматики и лексики напрямую связаны с традиционными верованиями, обрядами и повседневным укладом местного населения. Особого внимания заслуживают вологодские говоры. Их ключевыми чертами являются полное оканье (различение безударных [o] и [a]), ёканье и, что особенно важно, наличие мощного вепсского субстрата [14]. И поморские (архангельские) говоры, демонстрирующие языковое единство на огромной территории, что проявляется в частности в двусоставных бытийных предложениях и архаичных падежных формах, объединяющих говоры Заонежья, Беломорья и Пудожья [15].

Финно-угорские языки Русского Севера представляют собой не пассивный «след прошлого» в виде лексического субстрата северных говоров, но живые – пусть и во многом уязвимые – языковые системы.

Вепсский язык занимает среди них особое положение как один из наиболее архаичных. Диалектологическое членение выделяет три основных ареала: северный (Карелия), средний (Бабаевский, Вытегорский районы Вологодской обл.) и южный (Тихвинский, Бокситогорский районы Ленобласти). По классификации ЮНЕСКО вепсский язык квалифицируется как «уязвимый»: согласно переписи 2021 г., численность носителей сократилась до 925 человек (с 1380 в 2010 г.). Несмотря на это, именно в вепсской среде сегодня наблюдается наиболее оптимистичная динамика языкового активизма. В Подпорожском районе Ленинградской области успешно внедряется модель «языкового гнезда» – методики погружения детей в языковую среду без перевода, что позволяет формировать новое поколение носителей. Вепсская община проводит этнодиктанты, регулярно организует праздник «Древо жизни» в селе Винницы, а также обучает взрослых на курсах родного языка.

Ижорский язык находится в значительно более уязвимом положении – в «серьезной опасности» по шкале ЮНЕСКО. Перепись 2021 г. фиксирует около 116 ижорцев, говорящих на двух сохранившихся из четырех диалектов ижорского языка: сойкинском и нижнелужском. Как подчеркивает О. И. Конькова, российский этнограф, основательница и первый директор Центра коренных народов Ленинградской области [16], ижорский язык имел письменность в 1930-х гг., что на время приостановило его угасание, однако репрессии против национальных школ и последующая языковая политика отбросили этот процесс назад. Важную роль в сохранении языкового и культурного наследия ижоров сегодня играет местная община «Шойкула», объединяющая носителей языка и энтузиастов его возрождения. По инициативе общины в сельских поселениях устанавливаются двуязычные указатели, организуются языковые курсы и фольклорные мероприятия, что создает видимые маркеры присутствия ижорского языка в публичном пространстве и способствует передаче традиции новым поколениям.

Наиболее драматична судьба языка одного из древнейших коренных этносов на северо-западе российской территории – водского языка, находящегося на грани полного исчезновения. На сегодняшний день язык этого народа сохранился лишь у нескольких десятков представителей старшего поколения (не более двадцати человек), и бытует в двух деревнях Кингисеппского района Ленинградской области – Краколье и Лужицы [17]. Причины такого угасания типичны для многих малых языков: утрата межпоколенческой передачи, доминирование русского языка, исторические депортации. Несмотря на критическое состояние языка, в последние годы активистами и энтузиастами предпринимаются значительные усилия по его возрождению. Например, запущен проект «VADDA. Новая жизнь языка и культуры народа водь» [18], в рамках которого действует онлайн-курс водского языка, переизданы водские сказки в формате раскраски и снят фильм о быте и культуре вожан. В деревне Лужицы функционирует единственный в стране музей водской культуры. Водская общественная организация «Vad̄da kiel» («Водский язык») координирует усилия по сохранению языка: проводятся языковые курсы в библиотеках Петербурга, факультативные занятия в школах Усть-Луги, а также фестивали водского языка.

Ингерманландский финский, сформировавшийся на территории Ингерманландии в результате миграции финского населения в XVII–XIX вв., происходит из юго-восточных диалектов финского языка. По классификации ЮНЕСКО, статус ингерманландского финского оценивается как «под существенной угрозой исчезновения», так как межпоколенческая передача

языка практически прервана. Традиционные ареалы проживания ингерманландских финнов охватывают ряд районов Ленинградской области (Всеволожский, Гатчинский, Ломоносовский, Волосовский, Кингисеппский, Тосненский, Кировский), однако вследствие дисперсного характера расселения ингерманландские финны во всех населенных пунктах проживания составляют меньшинство. Значительная часть ингерманландских финнов также проживает в Санкт-Петербурге [19]. В настоящее время языковые активисты предпринимают попытки возрождения языка через создание курсов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также поддерживают традиции финского лютеранского пения и фольклорные коллективы.

Саамские языки, представленные на территории Русского Севера несколькими идиомами (прежде всего кильдинским саамским и бабинским саамским), распространены в Мурманской области. Количество носителей саамских языков не превышает 100 человек. Как отмечает профессор Мурманского арктического университета (МАУ) В. Б. Бакула, специалист по кильдинскому саамскому языку, ключевая проблема заключается в отсутствии полноценной языковой среды и утрате механизмов естественной передачи языка от поколения к поколению [20]. Вместе с тем в последние годы активизировались усилия по их ревитализации: в Мурманской области действует Центр поддержки языков коренных малочисленных народов Российской Федерации на базе МАУ, проводятся языковые курсы, выпускается учебная и художественная литература на кильдинском саамском. Языковые активисты используют цифровые платформы и социальные сети для популяризации языка, однако как и в случае с другими малыми языками региона, эти усилия сталкиваются с ограниченностью ресурсов и отсутствием системной государственной поддержки на местах.

Карельский язык на территории России представлен тремя основными наречиями: собственно карельским (северные и средние районы Карелии), ливвиковским (Олонецкая равнина, южная Карелия) и людиковским (Прионежье). Диалектное членение существенно затрудняет выработку единой письменной нормы, что на протяжении XX в. оставалось одной из ключевых проблем языкового планирования [21]. Согласно Всероссийской переписи 2021 г., численность карелов в России составляет около 32 000 чел., однако активных носителей языка значительно меньше. По оценкам исследователей, свободно владеют карельским языком не более 10–15 % этнических карелов, преимущественно представители старшего поколения (70+ лет). Несмотря на тревожную статистику, в карельской среде сегодня наблюдаются устойчивые формы языкового активизма, во многом сопоставимые с вепскими. Ключевым достижением последних лет стало создание и функционирование «языкового гнезда» в селе Ведлозеро Пряжинского национального района Карелии, организованного на базе Карельской региональной общественной организации «Дом карельского языка».

Коми язык относится к пермской подгруппе финно-угорских языков уральской семьи. На территории Европейского Севера России он представлен двумя основными литературными формами: коми-зырянским (Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Архангельская область) и коми-пермяцким (Коми-Пермяцкий округ Пермского края). По сравнению с другими финно-угорскими языками Русского Севера коми язык находится в относительно устойчивом положении благодаря официальному статусу государственного языка в Республике Коми, однако этим статусом наделен только коми-зырянский вариант, при этом на сегодняшний день отмечается начало языкового сдвига. По данным Всероссийской пе-

реписи 2021 г., численность носителей коми-зырянского и коми-пермяцкого составляет около 200 000 чел., с перевесом в сторону коми-зырянского [22].

Длительное соседство русского и финно-угорского населения привело к формированию устойчивого билингвизма. Этот контакт порождает два ключевых явления. Во-первых, отмечается интерференция – неосознанный перенос языковых норм родного языка на русскую речь. Во-вторых, переключение кодов – скорее осознанный переход с одного языка на другой в зависимости от ситуации общения. На Русском Севере наблюдается не просто заимствование отдельных лексем, а сложная система переключения кодов, которую в контактологии принято называть «диагональным билингвизмом» – когда родной язык говорящего структурно отличается от доминирующего языка окружения. На практике это выражается по-разному в зависимости от конкретного этноса. В среде вепсов, проживающих в Ленинградской и Вологодской областях, старшее поколение еще использует этнический язык в быту, однако повседневная лексика, связанная с «внешним миром» (администрация, магазины, техника), уже используется по-русски; в речи наблюдается смешение кодов, когда в одной фразе соседствуют вепские и русские синтаксические единицы. У ижорцев и води на территории Кингисеппского района Ленинградской области переключение кодов приобретает еще более явный характер. Носители, число которых исчисляется десятками, переходят на русский язык при обсуждении любых тем, выходящих за пределы узкого круга традиционного быта (огород, дом), а на родном языке говорят только о самом сакральном или о прошлом. Еще более сложная картина наблюдается у саамов Кольского полуострова. Саамско-русский билингвизм в XX в. прошел путь от массового бытового двуязычия к ситуации «языкового сдвига», при котором обращение к своему национальному языку выполняет не столько коммуникативную, сколько символическую функцию – маркера этнокультурной идентичности.

Изучение этих процессов невозможно без лингвистических экспедиций. Лингвистическая экспедиция представляет собой организованный выезд исследователей (лингвистов, диалектологов, этнографов, антропологов) в регион бытования живой народной речи с целью ее фиксации, систематизации и последующего анализа. В отличие от кабинетной работы с письменными источниками, экспедиция позволяет зафиксировать язык в его естественной среде – в ситуации спонтанного бытового общения, в контексте традиционных промыслов и повседневной семейной коммуникации. Экспедиции позволяют изучить лингвистический ландшафт – например, фиксировать, на каком языке написаны вывески на сельских магазинах, объявления на доске в администрации, информационные таблички у храма или кладбища. На Русском Севере этот метод выявляет яркий контраст: топонимические указатели на саамском или вепском часто выполнены как имитация или дань этническому туризму, в то время как реальная межличностная коммуникация остается исключительно русскоязычной. Без выездных наблюдений такой разрыв между «декоративной» и «живой» языковой политикой был бы невидимым.

Важно подчеркнуть и обратный процесс: экспедиции не только позволяют получить языковой материал, но и влияют на языковое самосознание местных сообществ. Приезд профессиональных лингвистов, интерес к родному языку, публикации диалектных словарей и создание аудиоархивов часто становятся спусковым механизмом для языкового активизма. Таким образом, научная экспедиция перестает быть нейтральным инструментом наблюдения и становится фактором сохранения языкового разнообразия.

Культурная идентичность как категория лингвофилософского исследования. Альтернативу монодисциплинарным моделям культурной идентичности предлагает нарративный подход, который позволяет описать динамику идентичности, не сводя ее к статичным свойствам. Как отмечает П. Рикёр в работе «Я-сам как другой», идентичность есть не статичное свойство, а нарративная структура самости, которая обеспечивает и постоянство характера и «приобретенных предрасположенностей», благодаря чему действие и действующий субъект связываются в единую историю [23].

Эта текущая неопределенность особенно проявляется в феномене гибридной идентичности. Традиционно гибридность понималась как удел маргиналов, но сегодня она все чаще становится категорией для анализа социокультурной динамики. М. М. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе» показал, что всякая культура живет на границах: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [24, с. 25]. Поэтому гибридность может рассматриваться как универсальное свойство бытия культуры.

Диалогическая трактовка культурных границ, предложенная М. М. Бахтиным, получает развитие в постколониальной теории Хоми К. Бхабхи. Если у М. М. Бахтина акцент сделан на внутренней диалогичности самих культурных формаций, то Бхабха вводит понятие «третьего пространства» (Third Space) для обозначения промежуточной, лиминальной зоны, где происходит встреча и переосмысление культурных смыслов. Третье пространство не является ни одной из исходных культур, но возникает между ними, в зазоре перевода и переговоров. Именно в этом промежутке рождается новая гибридная идентичность, не сводимая ни к «чистому» истоку, ни к подражанию доминирующему образцу. Бхабха формулирует это следующим образом: «It is the 'inter' – the cutting edge of translation and negotiation, the in-between space – that carries the burden of the meaning of culture. ... [B]y exploring this Third Space, we may elude the politics of polarity and emerge as the others of our selves» [25, p. 38–39].

Специфика современных российских исследований культурной идентичности может быть охарактеризована по трем направлениям. *Во-первых*, наблюдается отказ от жесткого противопоставления примордиализма и конструктивизма в пользу гибридных или синтетических моделей. Так, Н. А. Медушевский в статье «На стыке примордиализма и конструктивизма» [26] прямо фиксирует запрос на гибридную концепцию, сочетающую объективные категории с конструктивистским пониманием этничности как процессуального феномена. *Во-вторых*, языкоцентричность, которая проявляется в том, что язык понимается как активный конструктор и хранитель идентичности [27; 28]. *В-третьих*, литературоцентричность, так как художественная литература часто выступает объектом для исследований репрезентации гибридной и культурной идентичности [29; 30].

Философский и культурологический взгляд на проблему культурной идентичности получает развитие в работах Т. Д. Марцинковской, которая рассматривает идентичность как динамическую психическую систему с подвижными границами, функционирующую в ситуации транзитивности – состояния неопределенности, вызванного ускорением социальных

изменений, размыванием ценностно-нормативных границ и увеличением числа альтернатив поведения [31]. В такой ситуации устойчивость идентичности обеспечивается способностью к перестройке и диалектикой подвижных границ. Марцинковская подчеркивает, что именно культура выступает тем «неизменным», что позволяет человеку восстановить целостность восприятия мира: «Культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя» [32, с. 75].

Из этого следует, что в динамичном и нестабильном мире культурная идентичность может выполнять стабилизирующую функцию и переносит акцент на способы поддержания связности «Я» в условиях постоянной трансформации. Отсюда следует, что изучение культурной идентичности, особенно в ее гибридных формах, в частности на Русском Севере, требует комплексной методологии, объединяющей когнитивные, лингвистические, социокультурные и философские измерения. Философия культуры может предложить здесь иерархическую модель синтеза: когнитивный уровень (который раскрывается, например, через категории толерантности к неопределенности и когнитивной сложности [33]), дискурсивно-лингвистический (например, лингвокультурные коды, переключение кодов, о чем упоминалось ранее), социокультурный (система ценностей, нормы, идеология) и философский (рефлексия, интеграция, концептуализация).

Заключение. Перспективы междисциплинарного и комплексного исследования культурной идентичности Русского Севера связаны с необходимостью расширения эмпирической базы за счет источников, недоступных традиционным опросам. Цифровые языковые корпуса, я-документы (дневники, автобиографии, личные письма), учебная литература для билингвальных регионов, социальные медиа и транскрипты устной речи могут дать материал для отслеживания реальной культурной идентичности и ее динамики в повседневных и институциональных практиках жителей рассматриваемых регионов. Также накопленный в многочисленных эмпирических (в первую очередь лингвистических и этнографических) исследованиях материал нуждается в философско-культурологической рефлексии, направленной на переход от описания разрозненных аспектов культурной идентичности к выработке категориального аппарата и построению целостной системы, отражающей специфику культурно-исторического развития России. Такой подход позволит не только описать, но и объяснить, как именно формируется культурная идентичность Русского Севера, как она удерживается и трансформируется в условиях транзитивности и гибридности, а также предложить обоснованные стратегии культурной политики в российских полиэтнических и мультикультурных обществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пермиловская А. Б. Русский Север – специфический код культурной памяти // Культура и искусство. 2016. № 2. С. 155–163. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345
2. Русский Север: ареалы и культурные традиции / ред.-сост. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1992.
3. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 43–53.
4. Geertz C. The Interpretation of Cultures. NY: Basic Books, 1973.
5. Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. London: Sage, 1991.

6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016.

7. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера: в 4 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.

8. Теуш О. А. Новые материалы по коми-заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области) // Финно-угорский мир. 2016. № 1 (26). С. 49–59.

9. Кабинина Н. В. Проблемы изучения финно-угорского топонимического субстрата на территории Русского Севера // *Linguistica*. 2015. Т. 55, № 1. С. 207–228. DOI: 10.4312/linguistica.55.1.207-228

10. Киришева Т. И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / УрГУ. Екатеринбург, 2006.

11. Духовная культура Русского Севера в народной словесности: материалы экспедиций // Репозиторий СПбГУ. 2023. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/44514> (дата обращения: 05.05.2026).

12. Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004.

13. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III: Карты (часть 1). Лексика / ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1997.

14. Зорина Л. Ю. В Вологодской области филолог Людмила Зорина пятьдесят лет исследует местные говоры // Город Че. 15.10.2024. URL: <https://www.gorodche.ru/society/5637052-vologodskoy-oblasti-filolog-lyudmila-zorina-pyatdesyat-let-issleduet-mestnye-govory/> (дата обращения: 05.05.2026).

15. Маркова Н. В. Грамматические диалектные черты заонежского диалекта // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 1. С. 63–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.434

16. Конькова О. И. Ижора. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009.

17. Конькова О. И. Водь. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009.

18. VADDA // URL: <https://www.vadda.ru> (дата обращения: 05.05.2026).

19. Муслимов М. З. Ингерманландский финский язык // Малые языки России: проект ИЯз РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/ingermanlandskiy-finskiy-yazyk> (дата обращения: 05.05.2026).

20. Бакула В. Б. Проблемы формирования литературного языка кольских саамов // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 3. С. 13–22. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.03.013-022

21. Бойко Т. П. Ливвиковское (олонецкое) наречие карельского языка // Малые языки России: проект ИЯз РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/livvikovskoe-oloneckoe-narechie-karel'skogo-yazyka> (дата обращения: 05.05.2026).

22. Коми-зырянский язык / Е. А. Айбабина, Л. М. Безносикова, Р. Блокланд и др. // Малые языки России: проект ИЯз РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/komi-zyryanskiy-yazyk> (дата обращения: 05.05.2026).

23. Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008.

24. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 6–71.

25. Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London: Routledge, 1994.

26. Медушевский Н. А. На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятие «этнос». Ч. 1 // *Власть*. 2025. Т. 33, № 1. С. 228–233. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-1-228-233

27. Ларионова М. В. Латиноамериканский цивилизационный дискурс: топонимы как паттерны культурной идентичности // *Язык и культура*. 2024. № 67. С. 32–57. DOI: 10.17223/19996195/67/2

28. Загрязкина Т. Ю. Аспекты культурной идентичности французов сквозь призму языка (на примере лексем *paus-paysage-terroir-village*) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024. Т. 27, № 1. С. 106–123. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-8

29. Бронич М. К. Проблема гибридной идентичности в американо-еврейской литературе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 454–458. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-4-454-458

30. Моркина М. А. Дисфункциональное отцовство в нарративах культурного пограничья: на примере современной шведской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19, вып. 1. С. 300–306. DOI: 10.30853/phil20260041

31. Марцинковская Т. Д. Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве // Вестн. РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 4 (14). С. 11–20.

32. Марцинковская Т. Д. История, культура, развитие как образующие историко-генетической парадигмы // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 4. С. 69–78. DOI: 10.17759/chr.2015110406

33. Ясин М. И., Рябиченко Т. А. Когнитивные предикторы гибридной и альтернативной идентификации в поликультурной среде: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 3. С. 79–91. DOI: 10.17759/jmfp.2021100308

Информация об авторах

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент (2025), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

Московчук Любовь Сергеевна – кандидат философских наук (2006), доцент (2013), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 62 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философия кино, кросскультурные исследования, аксиология, этика, философская антропология.

Гусев Олег Николаевич – аспирант кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор шести научных публикаций. Сфера научных интересов: философия языка, философия культуры, философские и социокультурные особенности билингвизма, переключение лингвокультурных кодов, переводоведение.

Шумков Андрей Арнольдович – доктор филологических наук (2009), доцент (2007), заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: грамматика германских языков, общее языкознание, модели языка, переводоведение, теория языковых контактов.

Авторский вклад

Ульяницкая Любовь Александровна – обработка, анализ и интерпретация данных по языковой ситуации на Русском Севере и лингвистическим школам, изучающим его диалектальное разнообразие.

Московчук Любовь Сергеевна – разработка методологической базы исследования, обработка, анализ и интерпретация данных по концепту культурной идентичности в рамках лингвофилософского подхода.

Гусев Олег Николаевич – разработка концепции и структуры исследования, первичный поиск релевантных источников по концепту культурной идентичности, подготовка рукописи к публикации.

Шумков Андрей Арнольдович – замысел, разработка концепции и структуры исследования, общее руководство.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.03.2026; принята после рецензирования 06.05.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Permilovskaya, A.B. (2016), "Russian North is a Specific Code of Cultural Memory", *Culture and Art*, no. 2, pp. 155–163. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345
2. Bernshtam, T.A. and Chistov, K.V. (ed.). (1992), *Russkiy Sever: arealy i kulturnye traditsii* [The Russian North: Areas and Cultural Traditions], Nauka, SPb., RUS.
3. Malakhov, V.S. (2005), "Inconveniences with identity", *Voprosy Filosofii*, no. 2, pp. 43–53.
4. Geertz, C. (1973), *The Interpretation of Cultures*, Basic Books, NY, USA.
5. Brass, P. (1991), *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*, Sage, London, UK.
6. Anderson, B. (2016), *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Transl. by Nikolaev, V., Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
7. Matveev, A.K. (2015), *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North], in 4 vols., Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, RUS.
8. Teush, O.A. (2016), "New material on the Komi borrowing in the dialects of the Russian north (Lensky district of Arkhangelsk region)", *Finno-Ugric World*, no. 1 (26), pp. 49–59.
9. Kabinina, N.V. (2015), "Problems in the study of the Finno-Ugric substrate toponymy of the Russian north", *Linguistica*, vol. 55, no. 1, pp. 207–228. DOI: 10.4312/linguistica.55.1.207-228
10. Kirisheva, T.I. (2006), "Russian Toponymy of Finno-Ugric Origin on the Territory of the Onega Peninsula", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, UrFU, Ekaterinburg, RUS.
11. "Spiritual Culture of the Russian North in Folk Literature: Expedition Materials" (2023), *Repository. St. Petersburg State Univ.*, available at: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/44514> (accessed 05.05.2026).
12. Myznikov, S.A. (2004), *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada. Etimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz* [Vocabulary of Finno-Ugric Origin in Russian Dialects of the North-West. Etymological and Linguogeographic Analysis], Nauka, SPb., RUS.
13. Avanesov, R.I. (ed.), (1997), *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentri Evrop-eysskoy chasti Rossii. Vypusk III: Karty (chast 1). Leksika* [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of Russia. Issue III: Maps (Part 1). Vocabulary], Nauka, Moscow, RUS.
14. Zorina, L.Yu. (2024), "In the Vologda Region, Philologist Lyudmila Zorina has been Researching Local Dialects for Fifty Years", *GorodChe*, 15.10.2024, available at <https://www.gorodche.ru/society/5637052-vologodskoy-oblasti-filolog-lyudmila-zorina-pyatdesyat-let-issleduet-mestnye-govory/> (accessed 05.05.2026).
15. Markova, N.V. (2020), "Grammatical dialect features of the Zaonezhye dialect", *Proc. of Petrozavodsk State Univ.*, vol. 42, no. 1, pp. 63–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.434
16. Konkova, O.I. (2009), *Izhora. Ocherki istorii i kultury* [The Izhorians. Essays on History and Culture], MAE RAS, SPb., RUS.
17. Konkova, O.I. (2009), *Vod'. Ocherki istorii i kultury* [The Votes. Essays on History and Culture], MAE RAS, SPb., RUS.
18. *VADDA*, available at: <https://www.vadda.ru> (accessed 05.05.2026).
19. Muslimov, M.Z. (n. d.), "Ingrian Finnish language", *Minor Languages of Russia. Institute of Linguistics of the RAS*, available at <https://minlang.iling-ran.ru/lang/ingermanlandskiy-finskiy-yazyk> (accessed 05.05.2026).

20. Bakula, V.B. (2018), "Problems of Formation of Literary Language of the Kola Saami", *Finno-Ugric World*, vol. 10, no. 3, pp. 13–22. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.03.013-022
21. Boiko, T.P. (n. d.), "Livvi (Olonets) dialect of the Karelian language", *Minor Languages of Russia. Institute of Linguistics of the RAS*, available at <https://minlang.iling-ran.ru/lang/livvikovskoe-oloneckoe-narechie-karelskogo-yazyka> (accessed 05.05.2026).
22. Aibabina, E.A., Beznosikova, L.M., Blokland, R. et al. (n. d.), "Komi-Zyrian language", *Minor Languages of Russia. Institute of Linguistics of the RAS*, available at <https://minlang.iling-ran.ru/lang/komizyryanskiy-yazyk> (accessed 05.05.2026).
23. Ricœur, P. (2008), *Soi-même comme un autre*, Transl. by Skuratov, B.M., Izd-vo gumanitarnoy literatury, Moscow, RUS.
24. Bakhtin, M.M. (1975), "The Problem of Content, Material, and Form in Verbal Art", *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, pp. 6–71.
25. Bhabha, H.K. (1994), *The Location of Culture*, Routledge, London, UK.
26. Medushevskiy, N.A. (2025), "Between Primordialism and constructivism: understanding the concept of ethnos part", *Power*, vol. 33, no. 1, pp. 228–233. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-1-228-233
27. Larionova, M.V. (2024), "Latin American civilizational discourse: toponyms as patterns of cultural identity", *Language and Culture*, no. 67, pp. 32–57. DOI: 10.17223/19996195/67/2
28. Zagryazkina, T.Yu. (2024), "Aspects of French identity through the prism of language (using the example of the evolution of the lexemes pays-paysages-terroirs-villages)", *Bulletin of Moscow Univ. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 27, no. 1, pp. 106–123. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-8
29. Bronich, M.K. (2021), "Hybrid identity in the American-Jewish literature", *Izvestiya of Saratov Univ. Philology. Journalism*, vol. 21, iss. 4, pp. 454–458. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-4-454-458
30. Morkina, M.A. (2026), "Dysfunctional fatherhood in cultural liminality narratives: a study of contemporary Swedish literature", *Philology. Theory & Practice*, vol. 19, iss. 1, pp. 300–306. DOI: 10.30853/phil20260041
31. Martsinkovskaya, T.D. (2018), "Identity in transitive and virtual space", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 11 (4), pp. 11–20.
32. Martsinkovskaya, T.D. (2015), "History, Culture and Development as a Basis of Historical-Genetic Paradigm", *Cultural-Historical Psychology*, vol. 11, no. 4, pp. 69–78. DOI: 10.17759/chp.2015110406
33. Yasin, M.I. and Ryabichenko, T.A. (2021), "Cognitive predictors of hybrid and alternative identification in multicultural environment: review of foreign studies", *J. of Modern Foreign Psychology*, vol. 10, no. 3, pp. 79–91. DOI: 10.17759/jmfp.2021100308

Information about the authors

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

Lyubov S. Moskovchuk – Can. Sci. (Philosophy, 2006), Docent (2013), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 62 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophy of cinema, cross-cultural studies, axiology, ethics, philosophical anthropology.

Oleg N. Gusev – Postgraduate Student at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of six scientific publications. Area of expertise: philosophy of language, philosophy of culture,

philosophical and socio-cultural features of bilingualism, switching linguistic and cultural codes, translation studies.

Andrey A. Shumkov – Dr. Sci. (Philology, 2009), Docent (2007), Head of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: grammar of Germanic languages, theoretical linguistics, language models, translation studies, language contacts.

Author's contribution

Liubov A. Ulianitckaia – processing, analysis and interpretation of data on the language situation in the Russian North and on the linguistic schools studying its dialectal diversity.

Lyubov S. Moskovchuk – development of the methodological framework of the study, processing, analysis and interpretation of data on the concept of cultural identity within the linguophilosophical approach.

Oleg N. Gusev – development of the concept and structure of the study, initial identification of relevant sources on the concept of cultural identity, preparation of the manuscript for publication.

Andrey A. Shumkov – the idea, development of the concept and structure of the study, general guidance.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 25.03.2026; adopted after review 06.05.2026; published online 23.06.2026.*